

«Утверждаю»

Проректор по научной и творческой работе
Санкт-Петербургского государственного
института культуры,
доктор философских наук, доцент
А.Ю. Русаков

«21» февраля 2017 г.

Отзыв

ведущей организации ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный институт культуры» о диссертационном исследовании
Галины Николаевны Боевой «Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи», представленном на соискание
ученой степени доктора филологических наук по специальности
10.01.01 – Русская литература

Диссертация Г.Н. Боевой посвящена творчеству Л.Н. Андреева – важной фигуре в русской литературе рубежа XIX – XX веков. Его творчество традиционно трактуется как явление «промежуточной природы», находящееся на пересечении реализма и модернизма. Диссертант предлагает применить к творчеству Андреева понятие «модерн» и рассмотреть творчество писателя в широком контексте мировоззренческих устремлений эпохи. Этим обусловлена *актуальность диссертационной работы.*

Научная новизна и личный вклад автора диссертации определяются комплексным, «триединым» подходом к творчеству Андреева, заявленным в подзаголовке работы: «поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи». В то же время выбранный исследовательский ракурс предполагает постоянное сопоставление предмета анализа с эстетикой и ценностями модерна, а также реконструкцию социокультурного и литературного контекста рассматриваемых явлений. Современные гуманитарные науки пользуются понятием «модерн» в разных значениях (историко-социологическом, культурологическом, искусствоведческом), по этой причине автор

останавливается на истории вопроса и пытается сформулировать, какие мировоззренческие и эстетические принципы модерна важны для его исследования. Так, особый интерес для соискателя представляет «антропологический» ракурс, определивший концепцию «человека модерна» (Н.Ю. Грякалова), и сам подход к эпохе модерна как сумме дискурсивных практик. В свете такого подхода в работе последовательно анализируются художественные стратегии Андреева на фоне рецепции его творчества современниками, а также общих дискурсивных практик эпохи.

В нескольких параграфах первой и последней главы диссертант использует архивные материалы (черновые рукописи рассказа «На реке», письма Андреева). Материалом исследования послужил также обширный корпус литературно-критической продукции рубежа XIX – XX веков (статей, пародий, рецензий и пр.), мемуарной литературы.

Теоретическая значимость исследования характеризуется авторской концепцией, в свете которой образ Леонида Андреева обретает объемность за счет соединения поэтики, рецепции и творческих взаимосвязей. Теоретическую ценность имеют и локальные «исследовательские сюжеты» диссертации: интермедиаальная поэтика андреевского текста, организующий текстовое пространство топос, соотношение «московского» и «петербургского» в поэтике и рецепции творчества писателя, его жизнестроительные практики (интерпретация в свете такого подхода «домостроительства» писателя и специфичная природа его дневниковых записей), трансформация литературной личности в пародийной литературе (проекция на Андреева тыняновского понятия «пародийная личность» и выявление роли В.П. Буренина в формировании литературной репутации Андреева), литературная мистификация («письма» героев «Бездны»). Некоторые из этих сюжетов и проекций носят дискуссионный характер: взгляд на творчество Андреева в свете комплекса «вырождения» в эстетике эпохи *fin de siècle* (§ 1.1), образа женщины в искусстве декаданса (§ 1.2) и др. Руководствуясь идеей о том, что искусство модерна – это «работа» на

«территории сознания» читателя, автор диссертации привлекает разноплановый литературно-критический материал, по сути, реконструирует систему ценностей и пристрастий человека исследуемой эпохи. В этом смысле представляется оправданным введение в поле исследования большого количества фактов из окололитературного окружения Андреева, фактов экстралитературного характера.

Практическая значимость диссертации связана с тем, что ее результаты могут быть использованы в вузовской практике – преподавании филологических, культурологических и искусствоведческих дисциплин, затрагивающих вопросы своеобразия литературы, культуры и искусства рубежа XIX – начала XX веков. Идеи диссертационного исследования были использованы в учебных пособиях, посвященных русской литературе XX века, а также повлияли на историко-культурный комментарий в Полном собрании сочинений Леонида Андреева (планируется 23 тома), которое издается в настоящее время.

Работа состоит из введения, трех глав, последовательно раскрывающих тему исследования, и заключения.

Во *Введении*, помимо определения цели, задач, методологической базы исследования, теоретической и практической ценности работы, подробно обосновываются актуальность и научная новизна темы «модерн и литература» – во всем многообразии связей этих понятий (история «стилевого подхода» к литературе, синтез искусств как характерная особенность эпохи модерна). Диссертант обращается к исследованию взаимоотношений вербального и визуального в поэтике Андреева. Подробно характеризуется степень изученности заявленных проблем и акцентируются приоритетные для диссертанта направления дальнейшего исследования: картина мира писателя в ее связи с мировоззрением и ценностями эпохи, трансформации во времени его литературной репутации, жизнетворческие практики, стратегии взаимодействия с читателем и др. Положения,

выносимые на защиту, логически связаны со всем сказанным и формулируются в конце Введения.

В первой главе («Своеобразии картины мира в творчестве Леонида Андреева») рассматриваются антропологические и пространственно-временные характеристики творчества писателя.

В первом параграфе творчество писателя интерпретируется в свете установок эпохи *fin de siècle* – мировоззренческих (влияние / преодоление позитивизма, «комплекс вырождения») и эстетических (натурализм).

Следующий параграф посвящен исследованию взаимодействия вербального и визуального в творчестве Андреева в контексте идей синтеза искусств. Автор мотивирует подобный подход как спецификой художественного почерка писателя, так и особенностями рецепции андреевских произведений современниками (А.В. Амфитеатров, И.Ф. Анненский, Л.Я. Гуревич, М.А. Волошин, К. Чуковский). Экфрастичность Андреева, типологическая близость – на уровне приемов и принципов изображения – художникам европейского модерна, обращенность к мифу как художественно-смысловой универсалии эпохи расцениваются как свидетельство стремления писателя к синтезу иконического и вербального в духе модерна.

Третий параграф посвящен исследованию художественного пространства в произведениях Андреева, выполняющего в андреевских произведениях моделирующую функцию. Опираясь на идеи Н.П. Анциферова, автор анализирует пространственные категории поэтики Андреева и своеобразие рецепции его текстов (в частности, сочетание в них «московского» и «петербургского», «столичного» и «провинциального») как отражение самосознания и самоосуществления личности писателя, «человека модерна».

Четвертый параграф предлагает анализ жизнестроительных практик писателя (домостроительство и дневники писателя) как проявления принципов и идей модерна в плане практической человеческой деятельности

и потребности «поиска себя», реализации идеи становления и, в конечном счете, приобщения к культурному коду эпохи.

Вторая глава озаглавлена «*Рецепция творчества Леонида Андреева современниками*». В ней исследуются различные стороны литературной репутации писателя в непосредственной связи с особенностями его поэтики и своеобразием воспринимающего сознания читателя той эпохи. Автор диссертации прослеживает основные этапы формирования литературной репутации писателя в ее многоаспектности и динамике, вскрывает истоки восприятия писателя как «беллетриста средней руки» (восходящего к символистской критике) и намечает связь между прижизненной рецепцией произведений Андреева и их восприятием в дальнейшей перспективе. Особое внимание уделяется исследованию творчества писателя с точки зрения самых устойчивых характеристик его литературной репутации, со временем ставших основой понятия «леонидандреевщина», – склонности «пугать», «выдумывать», эпатировать (по сути, каждой из этих характеристик посвящен отдельный параграф этой главы – § 2.2, § 2.3, § 2.5). Подробно исследуются коммуникативные стратегии Андреева, направленные на читателя, в частности, история мистификаций, связанная с «письмами» героев «Бездны». Отдельно проанализирована роль скандально известных андреевских рассказов в дискуссии о порнографии.

Последний параграф второй главы посвящен осмыслению Андреева в пародийном дискурсе. Исследуются причины (как на уровне поэтики, так и на экстралитературном уровне) благодаря которым фигура Андреева превратилась в «пародийную личность», механизм этой трансформации и участие в этом процессе В.П. Буренина. Автор полагает, что пародийная личность «Леонид Андреев» вышла за пределы пародии и стала не только частью мифологии эпохи, феноменом массового сознания, но и общекультурным стереотипом.

Следующая глава «**Андреев в литературном процессе рубежа XIX-XX веков: взаимосвязи и влияния**» посвящена исследованию творческих

взаимосвязей писателя, сближений, влияний и отталкиваний. Эта глава, наиболее традиционная для «сопоставительных» исследований Андреева («Андреев и ...»), выделяется акцентацией рецептивного подхода и подбором персоналий. Традиционные параллели даны в необычных ракурсах (Андреев–Горький на уровне сближения их литературных репутаций, Андреев–Бунин с точки зрения близости двух писателей со столь различными эстетическими взглядами и поэтикой), проведены сопоставления, в советское время не привлекавшие внимания ученых (Андреев–Сологуб, Андреев–Ибсен, Андреев–Пшибышевский, Андреев – Юшкевич), и совершенно новые параллели (Андреев–Д. Лондон, Андреев – русский авангард, Андреев – «русско-еврейская литература»). Автор приходит к выводу, что Леонид Андреев входил в «литературный канон» современной ему литературы, формировал вкусы и определял художественно-стилевые пристрастия эпохи, а его творчество в большой степени повлияло на интернационализацию русской культуры эпохи модерна.

Заключение диссертации не сводится к изложению основных итогов предпринятого исследования, представляя собой концептуальное осмысление его результатов, совпадающее с положениями, выносимыми на защиту, но не дублирующее их.

Научный аппарат представляет собой обширную библиографию по теме диссертации – более 500 исследований (фундаментальные филологические труды, монографии, посвященные эпохе рубежа XIX – XX веков и творчеству Андреева, статьи из научных сборников) и 400 источников, включая архивные.

Научную апробацию материалы и основные положения диссертационного исследования Г.Н. Боевой «Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи» прошли на международных и российских конференциях (Орел – 2006, 2011–2016, Воронеж – 2008, 2010–2015, Москва – 2010–2015, Даугавпилс – 2012–2015,

Санкт-Петербург – 2006–2016), в работе над комментариями к произведениям Л.Н. Андреева в Полном собрании сочинений и писем (тома 5 и 6). Основные положения работы представлены в 17 публикациях в ведущих рецензируемых научных журналах, рекомендованных ВАК РФ, и монографией.

Подводя итог анализу диссертационного исследования Г.Н. Боевой, следует отметить, что очевидным достоинством работы является ее солидная теоретическая основа, насыщенность конкретным фактическим материалом, последовательность раскрытия заявленной темы, что делает теоретико-культурные обобщения диссертанта доказательными и убедительными, придаёт им бесспорную научную ценность.

Вместе с тем, необходимо заметить, что исследование Г.Н. Боевой порождает три замечания к работе в целом и несколько замечаний частного порядка.

Начнем с замечаний по существу:

1. Термины «дискурс», «дискурсивный», «дискурсивные практики», как известно, имеют целую россыпь значений, существенно отличающихся друг от друга. Диссертант употребляет эти понятия довольно часто, при этом не указывая, какое именно терминологическое значение подразумевается. Например, на с. 4 автореферата Г.Н. Боева пишет об эпохе модерна, представляя ее в виде «суммы дискурсивных и литературных практик», исключая литературные практики из дискурсивных. На с. 11 речь идет о «литературно-критическом дискурсе эпохи» – следовательно, литературная критика все-таки может быть представлена в виде дискурса. На с. 15 встречаем выражение «дневниковый дискурс в целом». На с. 16 упоминается «пародийный дискурс». Таким образом, остается неясным, диссертант не включает литературную критику, дневники (в том числе дневники эпохи модерна, нередко

писавшиеся с расчетом на публикацию) и пародии в «литературные практики», или же подразумевает нечто иное.

2. Указав на то, что понятие «модерн» (эпоха) шире понятия «модернизм» (художественный стиль эпохи), но в некоторых областях эти понятия используются синонимично (с. 3 автореферата), Г.Н. Боева в дальнейшем несколько раз сама пользуется термином «модернизм» (иногда и в мировоззренческом ключе – на с. 34 речь идет о ключевых концептах европейского модернизма), не сообщая, в каком значении употреблен термин в данном случае. Более того, с учетом широкого распространения термина «модернизм» в западном литературоведении, вызывает некоторое удивление совсем небольшое количество иноязычных (иностранных) источников в библиографическом списке (пп. 926-932) и отсутствие полемики/диалога с концепциями западных ученых и с различным осмыслением «модерна» и «модернизма» в западных литературоведческих традициях.
3. Вызывает сомнение обилие цитируемых и подчас пересказываемых суждений критиков, исследователей. Их разногласия дают определенное представление о степени сложности восприятия творчества и личности Андреева, но при этом утрачивается важнейшее для диссертационного сочинения - не всегда отчетливо просматривается голос автора работы.

Замечания частного характера:

1. Ряд возражений вызывает следующий фрагмент первой главы диссертации: «"Автопортрет со смертью, играющей на скрипке" немецкого символиста А. Беклина (1872), любимого художника Андреева, может послужить визуальным аналогом его творчества: "музой" художника, наигрывающего за его спиной, изображена Смерть – она же была музой Андреева (вспомним, что на протяжении всей жизни андреевского Человека не сходит со сцены

Некто в сером со свечой в руке). Не будет преувеличением сказать, что все творчество Андреева – художественное постижение феномена смерти» (С. 57).

2. Арнольд Беклин – швейцарский (а не немецкий) живописец, учившийся в Германии, подолгу живший или на родине в Базеле, или в Мюнхене. Называть Беклина любимым художником Андреева – некоторое преувеличение. Скорее можно говорить о том, что во время посещения художественных галерей Мюнхена Андреев открыл для себя Беклина, и потому, вернувшись из заграницы, в одном из интервью сказал: «В живописи люблю больше всех Беклина» (Кодак. У Леонида Андреева // Биржевые ведомости. 1908. 14 нояб. Утр. вып. С. 2). Далее в том же интервью Андреев называет еще двух художников: «Потом люблю Серова, он самый благородный художник, Бенуа – он наиболее культурный, умный и тонкий». Этот ряд любимых художников может быть продолжен.
3. Разговор о Смерти как о музе Андреева ведется диссертантом в художественно-метафорическом ключе. С научной точки зрения следует заметить, что проблематика творчества Андреева крайне широка и не сводится к теме смерти.
4. В третьем параграфе первой главы допущена неточность. Размышляя о московском и петербургском текстах Андреева, Г.Н. Боева пишет: «<...> в новых маршрутах его пространственных перемещений появятся и Петербург, и Финляндия, где он в 1906 г. снимет для семьи дачу, и Европа (сначала Германия, потом Италия)» (С. 108). «Пространственные перемещения» на самом деле выглядели несколько иначе: первую дачу в Финляндии (Ваммельсуу) семья Андреевых сняла летом 1905 года. Осенью 1905 года писатель с семьей отправился в Европу по маршруту: Германия, Швейцария, Финляндия, Норвегия, Германия, Италия. В 1907 году он вернулся в Россию.

5. Во второй главе Г.Н. Боева упоминает об афоризме «он пугает – а мне не страшно» (С. 196), приписывая, как это повелось с подачи репортеров и стало расхожим штампом, броскую фразу Л.Н. Толстому. На деле у афоризма своя непростая история, которую следует учитывать (см.: Кен Л., Рогов Л. Жизнь Леонида Андреева, рассказанная им самим и его современниками. СПб., 2010. С. 96-97).
6. В последнем разделе третьей главы «Леонид Андреев и русско-еврейская литература» Г.Н. Боева, назвав некоторых персонажей-евреев из произведений Андреева, по непонятной причине отказалась от самостоятельного анализа текстов и ограничилась ссылкой на большой фрагмент из статьи А.В. Амфитеатрова о драме «Анатэма». В этой работе Амфитеатров критиковал писателя за отсутствие правдоподобия в пьесе, за незнание еврейства и быта южных городов. По его убеждению, Андреев в «Анатэме» «просто производит технический опыт, может ли он, как столяры работают под дуб, под орех, под красное дерево, сочинить под русско-еврейского писателя» (С. 441). Какой-либо комментарий к приведенной негативной оценке в диссертации отсутствует. Между тем, можно было бы в крайнем случае сослаться на иную точку зрения, высказанную, в частности, в книге Виктории Левитиной «Русский театр и евреи» (Иерусалим, 1988).

Замечания, возникающие при чтении серьезного научного труда, не предполагают сомнений в полученных выводах, а лишь ставят задачей развитие данного перспективного исследования. Научная ценность поставленных и решенных в диссертации задач, актуальность и новизна предпринятого исследования, комплексный характер его методологии, теоретическая и практическая значимость его результатов позволяют сделать вывод, что диссертация Галины Николаевны Боевой «Феномен Леонида Андреева и эпоха модерна: поэтика, рецепция, творческие взаимосвязи»

соответствует всем требованиям Положения о присуждении ученых степеней, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, предъявляемым к докторским диссертациям, в том числе пп. 9-14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», а ее автор Галина Николаевна Боева заслуживает присуждения ученой степени доктора филологических наук по специальности 10.01.01 – Русская литература.

Отзыв подготовлен доктором филологических наук, доцентом Евгением Рудольфовичем Пономаревым и кандидатом филологических наук, доцентом Людмилой Николаевной Кен, обсужден и утвержден на заседании кафедры литературы и детского чтения Санкт-Петербургского государственного института культуры 20 февраля 2017 года, протокол № 5.

Заведующий кафедрой
литературы и детского чтения
ФБГОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный институт культуры»,
кандидат филологических наук,
доцент

 Лопачева Мария Каиржановна

Сведения о ведущей организации:
Федеральное государственное
бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Санкт-Петербургский
государственный институт культуры»
191186, Санкт-Петербург,
ул. Дворцовая набережная, 2
Телефон: (812) 318-97-97
<http://spbgiik.ru/> E-mail: dp@spbgiik.ru

